

— Алло... — лениво протянул альфа, поднимая трубку. Его голос заставил сердце собеседника трепетать, а в голове на миг помутилось.

Не услышав ответа, Цинь Хуайшан взглянул на имя звонящего и повысил голос:

— Хань Цихуа?

— Хуайшан, — тут же отозвался Хань Цихуа, выходя из задумчивости.

Цинь Хуайшан опустил взгляд на спящего у него на руках человека. Из-под шелковистых черных волос, доходивших до плеч, виднелась половина бледного лица с длинными ресницами, мокрыми от слез и слипшимися, отчего те казались еще длиннее и пушистее. Лицо, которое обычно заставляло любого альфу на улице обернуться, сейчас выглядело усталым и обиженным.

Он поднял руку и осторожно вытер остатки слез с ресниц, затем провел пальцем по мягкой, нежной щеке лежащего.

— Цихуа, что-то случилось? — Почувствовав, что Ся Минчао у него на руках, кажется, проснулся от громкого голоса и нахмурился, собираясь перевернуться на другой бок, Цинь Хуайшан инстинктивно понизил голос и притянул его к себе за талию, не желая отпускать, чтобы они оставались рядом.

Скованный объятиями, Ся Минчао во сне попытался оттолкнуть помеху, мешающую ему спать — безуспешно, лишь обиженно надул губы и снова уткнулся в «живую подушку». Цинь Хуайшан, глядя на его по-детски капризное выражение лица, улыбнулся, и в глазах его заплясали смешинки.

— А что, без дела нельзя позвонить и поболтать? — Хань Цихуа смотрел на влюбленные парочки, сновавшие по площади, и поддразнивал его, хотя на лице у него читалась досада. Судя по необычно мягкому тону и нарочито приглушенному голосу, рядом с Цинь Хуайшаном кто-то был.

Если бы он сам не был альфой или если бы Цинь Хуайшану нравились альфы, разве стал бы он скрывать свои истинные чувства, называться братом и смотреть, как тот, кто ему нравится, путается с омегами?

Услышав жалобу друга, Цинь Хуайшан усмехнулся:

— Конечно, нет.

— Говорят, тебе по государственной системе подобрали омегу. Ты, наверное, совсем утонул в нежности и забыл обо мне... — Хань Цихуа сделал паузу. — забыл о нас, друзьях.

— Я заходил к тебе, но тебя не было.

— Мы не виделись больше двух месяцев. Я позвал пару друзей, встретимся в старом месте, в баре «Сэньсэ», в семь вечера. Посидим, — голос Хань Цихуа звучал по-прежнему мягко, но в словах сквозило любопытство.

— Да нет, — Цинь Хуайшан не уловил скрытого смысла и ответил прямо: — Посидим так посидим. — Он вспомнил, что в последние дни действительно забросил друзей, отверг все приглашения и встречи. Если не на работе, то все время проводил рядом с Ся Минчао.

Цинь Хуайшан с удивлением осознал, что раньше, с кем бы он ни встречался, даже если не спал с ними, через полмесяца терял интерес и менял любовника. Но сейчас он уже почти месяц торчит рядом с Ся Минчао и ничуть не пресытился, напротив, кажется, привязался еще сильнее.

Неужели это из-за высокой совместимости феромонов? Может ли она заставить двух людей, не питающих друг к другу чувств, взаимно притягиваться?

Он ведь не из тех, кто променяет целый лес на одно дерево; разве мог он влюбиться по-настоящему за такое короткое время?

Цинь Хуайшан с кривой усмешкой пожал плечами: с каких это пор он стал рыцарем, верным одной даме? Осторожно опустив того, кто был у него на руках, он, широкоплечий и узкий в талии, направился в ванную, на ходу снимая пижаму. Вскоре оттуда послышался шум воды.

Солнце медленно клонилось к закату, на небо выползла ночь.

На мягкой широкой кровати зазвонил коммуникатор.

Легкая мелодия разбудила спящего под одеялом.

Вокруг было темно.

Ся Минчао сел на кровати:

— Свет. — Голосовая команда включила лампу.

Яркий свет залил комнату, словно днем.

Альфа, который был рядом перед сном, исчез, в спальне остался только он один. На лице мелькнуло разочарование.

Ся Минчао потер саднящую, онемевшую Железу — все тело пропиталось терпким запахом водочных феромонов альфы.

Коммуникатор, замаскированный под часы на тумбочке, снова зазвонил. Ся Минчао нажал на кнопку.

— Минчао, выходи гулять, — слышался ленивый голос Хэ Яньян.

— Не хочу, — отказался Ся Минчао, не раздумывая.

— Ну выходи, выходи. Я только что вернулась из-за границы, а ты вот так отшиваешь свою детскую подружку, с которой мы вместе росли? — Хэ Яньян, чей голос никак не вязался с ее лицом роковой женщины, сладко заворковала, словно обмакнув слова в мед: — В этот раз не буду заводить разговор о детях, просто поболтаем о всяком.

— ... — Ся Минчао молчал, но в конце концов выдавил: — Ладно. — Он так и не научился отказывать.

— Отлично! — Хэ Яньян усмехнулась, в голосе слышалась радость: — Адрес — бар «Сэньсэ». Я тебе говорю, там потрясающее вино.

— И коктейли у бармена — просто отпад.

— Передумал, — услышав про бар, Ся Минчао помрачнел. Он терпеть не мог места, где пахнет перегаром и табаком.

Услышав, что он передумал, Хэ Яньян взвыла:

— Не надо! — Зная, что он не выносит резких запахов, она поспешила объяснить: — Там все прилично, никакого чада, разноцветных дискотечных огней.

— Я заказала отдельный кабинет, там чисто и прилично! — Она жалобно протянула: — Кто дает слово, а потом берет его обратно — тот собака!

В детстве они договорились: кто нарушит обещание — тот собака. Эта поговорка заставила Ся Минчао поколебаться, и в конце концов он сдался под натиском Хэ Яньян.

Услышав, что собеседник согласился, Хэ Яньян довольно ухмыльнулась. Ах, как и всегда, Минчао — его можно взять только лаской.

Когда-то она думала, что Ся Минчао станет альфой, а она — омегой. Но в итоге все вышло наоборот.

С детства она льнула к Ся Минчао, ей всегда нравилось его... лицо.

После того как Хэ Яньян превратилась в альфу, она стала еще напористее и преследовала Ся Минчао с еще большим бесстыдством.

Как она говорила, что стоит лицо? Если бы удалось охмурить Ся Минчао одной только внешностью, она была бы в выигрыше — их дети были бы писаными красавцами.

Хэ Яньян — сильная альфа, которая с детства мечтала родить детей от своего друга детства.

Правда, каждый раз, когда она заговаривала о детях, ее друг детства отказывал, но она становилась только упрямее.

Закончив разговор, Ся Минчао, вспомнив импульсивный характер Хэ Яньян, невольно улыбнулся, встал и начал одеваться. Свет на коммуникаторе медленно погас.

Спустившись вниз, Ся Минчао увидел на столе знакомую записку: «Я ушел встретиться с друзьями, принесу тебе ужин. — Цинь».

Да, в коммуникаторе сообщений не было.

Зато на столе лежала записка.

Уже больше месяца каждый день, когда Цинь Хуайшан уходил, он оставлял записку в коммуникаторе или на столе, сообщая, что идет на работу, и спрашивая, что Ся Минчао хочет поесть. Тот уже привык к таким отчетам о передвижениях.

Хотя они прожили вместе всего чуть больше месяца, Ся Минчао заметил, что этот человек, кроме своей масляной речи и легкомысленности, вроде бы не имеет серьезных недостатков. Все те скандальные статьи, что он видел раньше, казались не про него, хотя это был один и тот же человек.

Но Цинь Хуайшан, похоже, и правда решил остепениться и создать с ним спокойную семью.

Ся Минчао сжал губы, в глазах мелькнула улыбка. Может, государственная система подбора пар — штука надежная?

Даже гулящего альфу могут успокоить феромоны.

Если он сможет порвать с прошлой беспутной жизнью и остаться с ним, это, наверное, не так уж плохо.

В конце концов, он все-таки помог их семье...

Ся Минчао, который никогда никого не любил, начал смягчаться под напором сладких речей и подарков Цинь Хуайшана.

На столе в высокой хрустальной вазе стоял букет розовых роз, издающих нежный аромат, еще не распустившихся.

Это Цинь Хуайшан подарил их ему.

На третий день после того, как Ся Минчао переступил порог этого дома, Цинь Хуайшан каждый день, возвращаясь с работы, приносил цветы. Если был занят, посылал их с секретарем — в любую погоду, и они заменили те букеты, которые Ся Минчао заказывал в цветочном магазине.

<http://bllate.org/book/20013/1974790>